

Культурная свобода и развитие человеческого потенциала

Ограничения возможностей индивида в человеческом обществе многообразны и поддаются преодолению в различной степени. Широко используемая в литературе по проблемам развития (в том числе в предыдущих *Докладах о развитии человека*) концепция человеческого развития позволяет провести анализ основных источников обездоленности, начиная от неграмотности и недостатков системы здравоохранения до безработицы и нищеты. Доклад, подготовленный в этом году, характеризуется значительным расширением тематики и посвящен, в частности, важности культурной свободы и потерям для человека и общества, связанным с ее дефицитом.

Такое изменение угла зрения не означает отказа от основополагающих принципов концепции человеческого развития. Глубинным мотивом по-прежнему остается поиск путей к повышению уровня жизни людей и расширению их свободы. Отрицание культурной свободы способно привести к ограничению возможностей людей, обеднению их жизни и отрыву от тех культурных связей, к которым они стремятся. Поэтому концепцию человеческого развития необходимо расширить, включив в нее признание важности культурной свободы.

Культурное измерение человеческого развития требует пристального внимания к себе по трем причинам. Во-первых, культурная свобода — важный элемент человеческой свободы вообще, который играет основную роль в способности людей жить так, как им нравится, и пользоваться теми возможностями, которые либо имеются, либо могут оказаться в их распоряжении. Прогресс в области культурной свободы должен стать главным аспектом человеческого развития, и это выдвигает перед нами задачу выхода за рамки социальных, политических и экономических возможностей, поскольку сами по себе они не гарантируют культурной свободы.

Во-вторых, хотя в последние годы развернулась широкая дискуссия о культуре и цивилизации, она была посвящена не столько культурной свободе, сколько признанию — и даже прославлению — культурного консерватизма. Концепция человеческого развития способна внести свой вклад в прояснение роли человеческой свободы в разных областях культуры. Вместо того, чтобы восхвалять бездумную приверженность традициям или пугать мир мнимой неотвратимостью столкновения цивилизаций, концепция человеческого развития требует уделить внимание роли свободы в культурных (и иных) сферах и путям защиты и расширения культурных свобод. При этом важнейшим вопросом становится даже не роль традиционной культуры, а всевозрастающее значение культурных альтернатив и свобод.

В-третьих, культурная свобода важна не только в сфере культуры: она также влияет на успехи и неудачи в социальной, политической и экономической областях. Различные стороны человеческой жизни тесно переплетены. Даже бедность — центральная экономическая тема — не может быть адекватно осмыслена без учета культурного аспекта. В самом деле, тесную связь между ограничением выбора возможностей в области культуры и экономической бедностью отмечал еще Адам Смит, чьи работы, несомненно, проливают свет на содержательное богатство концепции человеческого развития.

Смит утверждал, что бедность принимает не только очевидные формы голода или физических лишений, но также может проявляться в тех трудностях, с которыми сталкиваются некоторые группы, стремящиеся участвовать в социальной и культурной жизни общества. В частности, при анализе бедности и определении того, какие предметы следует считать «предметами первой необходимости», следует обязательно учитывать (как утверждал Смит) требования местной культуры. Он писал: «Под

Глубинным мотивом по-прежнему остается поиск путей к повышению уровня жизни людей и расширению их свободы

Хотя культурная обусловленность часто оказывается надуманной, она расчищает путь к дискриминации и исключенности

предметами первой необходимости я понимаю не только предметы потребления, которые в обязательном порядке необходимы для поддержания жизни, но и то, без чего, в любом случае, по обычаю страны, добропорядочные люди, даже из низших сословий, не могут обойтись... В соответствии с традиционными представлениями, для жизни в Англии необходима кожаная обувь. Неимущий добропорядочный человек любого пола постыдится появиться на людях без такой обуви»¹.

Фактически культура устанавливает важное соотношение между относительными доходами и абсолютными людскими возможностями. Относительная ограниченность в доходах способна привести к абсолютному ограничению возможностей участвовать в социальной жизни местного сообщества. Например, сравнительно низкий доход индивида в богатом обществе может стать причиной абсолютной бедности, так как индивид не в состоянии приобретать товары, пользование которыми представляет собой обязательный элемент образа жизни, сложившегося в данном обществе, — даже несмотря на то, что доходы этого индивида могут быть выше, чем у большинства населения в менее богатых странах мира. Таким образом, само понятие экономической бедности требует культуроведческого анализа. Для того чтобы правильно понять роль культурной свободы и культурное изменение человеческого развития, нам следует обратить внимание на сложившиеся культурные механизмы в нашей жизни и взаимосвязь культурных и иных сторон жизни людей.

УЧАСТИЕ И ПРИЗНАНИЕ

Ограничение свободы, в том числе культурной свободы, отличается многообразием форм. Не менее многообразна дискриминация, способная приводить к потере свободы. Некоторые группы населения, как это рассматривается в настоящем Докладе, могут подвергаться дискриминации в политической, социально-экономической, культурной и других областях. Многообразие форм ограничения возможностей для индивида, так же как и дискриминации, требует осмысления отличий между разными, хотя и взаимосвязанными процессами,

в результате которых ограничиваются свободы людей.

Очень часто средством ограничения возможностей служит процесс исключения из общественной жизни. В последние годы вопросам культурной исключенности уделяется большое внимание. Но следует ясно различать две формы культурной исключенности.

ИСКЛЮЧЕННОСТЬ ИЗ УЧАСТИЯ

Во-первых, культурная исключенность лица или группы лиц иногда может принимать вид исключения этого лица или группы из участия в тех формах жизни общества, которые считаются допустимыми и даже предпочтительными для других лиц. Это можно назвать «исключенностью из участия». Исключение людей из участия может быть связано с различными их характеристиками, такими, как гендерная, этническая или религиозная принадлежность.

Непосредственной основой дискриминации во многих случаях становится культурная общность группы людей, выражающаяся в исключении их из сферы образования, занятости или принятия политических решений. Для оправдания такого исключения используются ссылки на якобы культурно обусловленные свойства этих групп. О конкретных этнических группах говорят, что они ленивы, примитивны или безответственны, членов религиозных меньшинств подозревают в том, что они более лояльны к своим религиозным наставникам, чем к государству, и т. п. Хотя эта культурная обусловленность очень часто оказывается надуманной, она расчищает путь к дискриминации и исключенности. В некоторых случаях отличительные признаки, используемые при проведении дискриминационной политики, содержат прямые ссылки на культурные атрибуты. Это происходит, в частности, при дискриминации религиозных общин, но может применяться и в отношении групп, определяемых на основе языка, социального происхождения или другого отличительного признака.

ИСКЛЮЧЕННОСТЬ ПО ОБРАЗУ ЖИЗНИ

Другой вид культурной исключенности основан на неприятии образа жизни, которому груп-

па желает следовать. Подобная нетерпимость может сочетаться с требованием, чтобы образ жизни индивида ничем не отличался от образа жизни других членов общества. Такая «исключенность по образу жизни» наиболее отчетливо проявляется в религиозной нетерпимости — проблеме, которой Джон Стюарт Милль посвятил свое знаменитое эссе «О свободе» (1859).

В настоящее время исключенность по образу жизни активно проявляет себя в различных обстоятельствах и многообразных формах. Несомненно, важнейшим видом такой исключенности по-прежнему остается религиозная нетерпимость. Другим ее примером служит нетерпимость к некоторым моделям поведения, проявляющимся исключительно в личной жизни. Дискриминационное отношение к геям и лесбиянкам представляет собой распространенную сферу исключенности по образу жизни. Такие виды исключенности непосредственно связаны с нарушением культурной свободы, причем в данном случае нарушение свободы сочетается с неприятием многообразия.

Подобный тип исключенности может приобрести большое значение в мультикультурных обществах, характеризующихся этническим многообразием, особенно в условиях значительного притока иммигрантов. Настойчивость, с какой иммигранты отказываются от своего традиционного образа жизни и усваивают образ жизни, господствующий в обществе, в которое они приехали, служит иллюстрацией к наиболее распространенному виду нетерпимости к иному образу жизни в современном мире.

Даже к мельчайшим деталям поведения иммигрантов могут предъявляться определенные требования. Так, в Великобритании приобрел известность имевший далеко идущие последствия «крикет-тест» лорда Тэббита, который гласил, что на международных матчах по крикету против команды страны своего происхождения «правильный» иммигрант должен «болеть» за Англию. Достоинством теста Тэббита является его определенность, так как в мультикультурном обществе самоотождествление индивида с преобладающим образом жизни может превратиться в проблему. Например, теперь, когда Британский совет по туризму назвал карри «подлинно британским блюдом» (со-

гласно модели потребления, преобладающей среди уроженцев этого острова), не будь придуманного Тэббитом алгоритма подсказки, у иммигранта из Южной Азии, прибывшего в Великобританию, возникли бы трудности при определении того, какой модели поведения ему следует придерживаться.

Может ли исключенность по образу жизни стать причиной серьезной несправедливости? В последнее время эта тема стала предметом многочисленных разработок, включая так называемую «политику признания», которая предусматривает «требование о признании характерных черт этнических, «расовых» и сексуальных меньшинств, а также гендерных различий»³. Все эти вопросы имеют большое значение, так как позволяют увидеть проблему справедливости в более широкой перспективе, однако в контексте концепции человеческого развития они немедленно увязываются с практикой осуществления культурной свободы, которая, как и другие виды свобод, должна учитываться при оценке состояния человеческого развития и его проблем.

СВОБОДЫ, ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И РОЛЬ МНОГООБРАЗИЯ

Важность свобод человека может служить основанием для их увязки с идеей прав человека. Признание прав человека не должно дожидаться юридического оформления в виде «законных прав и привилегий». Зачастую мотивы признания этих прав лежат вне рамок законодательства. В самом деле, уже само отнесение ряда законов к категории «законодательства о правах человека» указывает на эту взаимосвязь. Как писал знаменитый теоретик права Герберт Харт в своем эссе, пользуясь заслуженной известностью, люди «говорят о своих моральных правах в основном тогда, когда претендуют на их включение в формальную правовую систему»⁴.

Более того, моральное признание прав человека, поддержанное аргументами публичных дискуссий и обсуждений, может выступать (и фактически выступает) как нечто большее, чем основа для возможного принятия законодательных актов⁵. В результате активности индивидов и групп (в том числе энергичных

Нетерпимость может сочетаться с требованием, чтобы образ жизни индивида ничем не отличался от образа жизни других членов общества

*Призывы к культурному
многообразию на том
основании, что оно
унаследовано
различными группами
людей, далеки от
признания культурной
свободы*

правозащитных организаций) свободы, отразившиеся в признании прав человека, могут стать основанием для общественных требований и даже для широкомасштабных коллективных акций и пропагандистских кампаний (например, за право меньшинств иметь свободу выбора образа жизни). Со своей стороны, ООН (в лице ее верховных комиссаров по правам человека и делам беженцев) активно участвует в поощрении прав человека даже в тех странах, где национальное законодательство отстает от этических норм.

Права человека как категории общественной морали, поддерживаемые открытым обсуждением в обществе, нуждаются в различных формах реализации. Обеспечение основополагающих свобод может происходить в форме разнообразных общественных акций, включая признание, мониторинг и пропаганду, в сочетании с использованием законодательства и моральными обязательствами заинтересованных лиц. Утверждение прав человека, основанное на значении человеческих свобод, реализуемых в многообразных формах, сочетается с необходимостью понимания оснований для признания соответствующих обязанностей. Иногда такие обязанности точно определены, а иногда они лишь описываются в общих чертах (включая как «совершенные», так и «несовершенные» обязанности, по традиционной кантовской классификации). Сущность и требования прав человека были всесторонне рассмотрены в *Докладе о развитии человека — 2000*.

Следует особо подчеркнуть, что идея прав человека непосредственно связана с защитой и расширением человеческих свобод. Это — достаточное основание для того, чтобы в зависимости от обстоятельств оказывать поддержку и содействовать конкретным институтам и общественным договоренностям. Но сами по себе такие программы являются производными и их ценность должна определяться исходя из того, что они реально делают для прогресса человеческих свобод. Моральная сила, характерная для прав человека, в конечном итоге зависит от важности человеческих свобод и не может быть отделена от этой связи. Это исходное утверждение влечет за собой далеко идущие выводы⁶.

Одна из тем, которой уделяется значительное внимание в современной литературе по проблемам культуры, — культурное многообразие. Иногда оно даже рассматривается как одно из прав человека, которым обладает группа как совокупность индивидов. Групповые права в значительной степени являются неопределенными, но нетрудно показать, что, если относиться к ним серьезно, то следует обосновать их роль в расширении человеческих свобод. Не вдаваясь в сложную полемику, развернувшуюся вокруг тезиса о правах групп, можно без труда выявить основную потребность в увязке прав со свободами.

При этом немедленно возникает вопрос о ценности многообразия культур, так как само по себе оно не является характеристикой человеческих свобод. Однако совсем несложно показать, что многообразие имеет важное значение в сфере культуры. Если не допускать многообразия, то исчезают многие альтернативы. Однако, если смотреть на вещи с точки зрения свободы (в том числе культурной свободы), то значение культурного многообразия должно изменяться сообразно его причинно-следственной связи с человеческими свободами.

Довольно часто эта связь несомненна и прочна. В самом деле, многообразие может представлять собой как результат реализации человеческих свобод (особенно культурной свободы), так и источник социального (особенно культурного) богатства. Культурное многообразие способно принести плоды тогда, когда образ жизни, который ценят индивиды, не только не запрещается, но даже поощряется. Это вытекает из предшествующего рассмотрения вопроса об исключенности по образу жизни. Например, живучесть этнически многообразных вариантов образа жизни, а также признание и уважение сексуальных меньшинств способны повысить уровень культурного многообразия общества именно в результате реализации культурной свободы. В этом случае значение культурного многообразия будет непосредственно вытекать из ценности культурной свободы, так как первое является следствием второй.

Культурное многообразие может играть положительную роль также и само по себе. Например, культурно многообразное общество

может принести пользу другим обществам благодаря разнообразию его опыта, которым они в состоянии воспользоваться. В качестве примера можно убедительно доказать, что богатая традициями афро-американская музыка, имеющая африканское происхождение и эволюционировавшая на американском континенте, не только способствовала обогащению культурной свободы и усилению чувства собственного достоинства афроамериканцев, но и расширила право культурного выбора для всех людей (и не только афроамериканцев) и обогатила культурный ландшафт Америки и всего мира. Тем не менее, взаимоотношения между культурной свободой и культурным многообразием требуют дальнейшего изучения. Простейшим путем сохранения многообразия культуры может стать консервация культур, сложившихся на данный момент времени в мире или в отдельно взятой стране. Но не сведется ли после этого борьба за культурное многообразие к поддержке культурного консерватизма, когда люди будут призывать оставаться верными своим культурным корням и не пытаться перенимать другие образы жизни? Это немедленно приведет к переходу на позиции, противоречащие свободе, и к ограничению права выбора образа жизни, в котором, возможно, были бы заинтересованы многие. Таким образом, мы окажемся в сфере иной исключенности, а именно — исключенности из участия, в отличие от исключенности по образу жизни, так как люди, принадлежащие к культурам меньшинств, будут исключены из участия в преобладающем направлении культуры.

Предпочтение политики культурного консерватизма может обескуражить людей или даже помешать им усваивать различные образы жизни, в том числе того, который является господствующим в данном обществе и которому следуют другие люди, сформировавшиеся на совершенно иной культурной почве. В таком случае многообразие будет достигнуто также и за счет культурной свободы. Если мы исходим из признания приоритета культурной свободы, то оценка важности культурного многообразия должна находиться в зависимости от него. Многое здесь будет зависеть от того, как такое многообразие осуществляется и поддерживается.

В самом деле, призывы к культурному многообразию на том основании, что оно унаследовано различными группами людей, далеки от признания культурной свободы (хотя иногда этот аргумент используется как бы с позиций ее защиты). Никакие действия не могут быть оправданы именем свободы без предоставления реальных возможностей осуществления этой свободы или, по крайней мере, без оценки возникающих при этом возможностей выбора. Стремиться к многообразию можно и по иным причинам, нежели культурная свобода. Однако оправдание сохранения существующего многообразия, которое обосновывается необходимостью обеспечения культурной свободы, должно быть, в отсутствие других аргументов, прямым, а не опосредованным.

САМОБЫТНОСТЬ, ОБЩЕСТВО И СВОБОДА

Причины скептического отношения к автоматическому предоставлению приоритета культурным традициям, доставшимся по наследству, могут быть рассмотрены с учетом того, кто выбирает и что он/она выбирает. Рождение в конкретной культурной среде не является реализацией свободы, — скорее, наоборот. Актом культурной свободы оно становится только тогда, когда индивид осознанно решает продолжать вести образ жизни, свойственный данной культуре, и принимает такое решение при наличии других альтернатив. Свобода не может быть отделена от возможности выбора или, во всяком случае, не может быть реализована без учета возможности такого выбора. Центральным вопросом культурной свободы является наличие возможности для людей выбирать тот образ жизни, который они предпочитают, — при реальном наличии других вариантов. Ссылка на абстрактную свободу вряд ли будет уместной в условиях отсутствия реального или потенциального выбора.

В некоторых коммунитаристских теориях превозносится отсутствие выбора в процессе «открытия» индивидом собственной самобытности. Майкл Сандел удачно разъяснил этот тезис, составляющий часть «конститутивной концепции» человеческого сообщества: «Сообщество описывает не просто то, чем оно об-

В рамках вашей реальной принадлежности к определенным группам, вы имеете возможность выбора, какой из своих идентичностей вы хотите отдать приоритет в конкретной ситуации

*Культурное осуждение
жертв может
использоваться
правителями для
оправдания весьма
неэффективных, равно
как и чудовищных
тираний*

ладает как группа сограждан, но то, чем оно является; не выбираемые отношения (как в добровольном объединении), а открываемые привязанности, не просто характерную особенность, а составную часть самобытности»⁷. «Я» пришло к концу, — объясняет далее Сандел, — не в результате выбора, а в результате размышления, как знающий (или познающий) субъект по отношению к объекту (само)познания»⁸. С этой точки зрения социальная организация может рассматриваться (по мнению еще одного теоретика коммунитаризма, Кроули) как попытка «создания возможности высказать то, что люди открыли о себе и мире, и убедить других в ценности этого»⁹.

Утверждение, что самобытность индивида является не предметом его выбора, а, в конечном счете, лишь предметом самораскрытия, требует более подробного анализа. Эта обширная тема будет рассмотрена ниже. Для целей данного рассмотрения следует отметить, что особая важность и чрезвычайная серьезность, связанные, по мысли теоретиков коммунитаризма, с унаследованными социальными связями и принадлежностью, имеют в своей основе открытие, в противоположность тем вещам, которые «всего лишь выбраны». Какой бы убедительной ни была сила этого утверждения (чему, конечно, требуются дополнительные доказательства), оно реально противоречит приданию ценности выбору и свободе выбора.

Теоретики коммунитаризма, безусловно, правы, придавая особое значение чувству самобытности в определении жизненного пути. Менее понятно то, каким образом самобытность может оказаться всего лишь предметом «открытия» чего-либо в самом себе, а не прямого или опосредованного выбора. Такой выбор происходит постоянно — часто неявно, но иногда открыто и вполне осмысленно. Например, когда Мохандас Ганди после долгих размышлений принял решение встать на сторону индийцев в борьбе против британского владычества, отвергнув тем самым свою самобытность в качестве квалифицированного адвоката в системе британского судопроизводства, он, несомненно, делал решительный и сознательный выбор. В других случаях выбор может быть подразумеваемым или неявным, может не иметь столь

возвышенного обоснования, как решение, принятое Ганди, но от этого он не становится менее реальным.

Обычно каждый индивид имеет возможность относить себя к самым различным группам. Человек может ощущать самобытность по признаку гражданства (например, гражданин Франции), полу (женщина), расе (китаец по рождению), региональной принадлежности (прибыл из Таиланда), языку (помимо французского, свободно владеет тайским, китайским и английским), политическим убеждениям (придерживается левых взглядов), религии (буддистка), профессии (юрист), месту проживания (парижанка), спортивным увлечениям (играет в бадминтон и обожает гольф), музыкальным вкусам (любит джаз и хип-хоп), литературным пристрастиям (предпочитает детективы), гастрономическим предпочтениям (вегетарианка) и т. д.

Варианты выбора не безграничны (вам не удастся идентифицироваться в качестве эскимоса или борца сумо, если вы таковым не являетесь). Но в рамках вашей реальной принадлежности к определенным группам, вы имеете возможность выбора, какой из своих идентичностей вы хотите отдать приоритет в конкретной ситуации. То обстоятельство, что вы принадлежите к этим — и многим другим — группам, могло бы стать для вас предметом «открытия», но вам все равно следует подумать и решить, как расположить по значимости различные стороны вашей самобытности. Факт «открытия» не освобождает вас от необходимости выбора, даже если выбор производится неявным образом¹⁰.

Возможность выбора важна для предотвращения того, что Энтони Аппиа назвал «новой тиранией» в виде заново обретенного «я», способного подавлять зов других видов самобытности, которые мы вправе признавать и уважать в той же мере. Аппиа иллюстрирует этот тезис на примере самоидентификации афроамериканцем. Эта самоидентификация была полезна в прошлом (и продолжает оставаться полезной сегодня) в стремлении добиться расовой справедливости в Америке. Но она может принимать деспотические формы в том случае, если воспринимается как единственный вид самобытности человека с черной кожей, за-

глушающий все другие порывы. Аппиа делает следующий вывод:

«Защищая этот империализм самобытности, который особенно ярко проявляется в расовом аспекте, никогда не следует забывать, что мы не просто черные и белые, желтые и коричневые, геи, сторонники традиционной сексуальной ориентации и бисексуалы, евреи, христиане, мусульмане, буддисты или конфуцианцы, но мы еще братья и сестры, родители и дети, либералы, консерваторы и левые, учителя и юристы, автомобилисты и садоводы, болельщики «Сан-Диего падрес» и «Бостон Брюинз», фанаты гранж-рока и любители Вагнера, киноманы, те, кто «тащится» от MTV, читатели ужасников, серфингисты и певцы, поэты и любители домашних животных, студенты и учителя, друзья и влюбленные. Расовая самоидентификация может служить основой борьбы с расизмом — ведь, хотя мы достигли многого, нам есть куда двигаться, — так что не позволим нашей расовой самобытности подтолкнуть нас к новой тирании»¹¹.

Рассмотрим другой, более одиозный пример. Лет десять тому назад подстрекатели из племени хуту в Руанде предприняли попытку (в известной мере удавшуюся) убедить остальных членов своей общины в том, что они-то и есть настоящие хуту, которых не следует путать с «этими гадкими тутси». Немотивированные убийства, которые за этим последовали, можно было бы предотвратить, обратившись к членам племени хуту как к носителям более широкой самобытности — гражданам Руанды, африканцам или даже просто человеческим существам. Признание самобытности исключительно предметом «открытия» приводит не только к понятийной путанице. Оно может также привести к нарушению долга разумного человеческого существа — нравственного долга, на основе которого люди должны оценить, какими они хотят себя видеть и с кем себя отождествлять (с племенем хуту, со всем народом Руанды, с африканцами или с сообществом человеческих существ). Свобода выбора обладает ценностью не только для отдельных лиц, перед которыми стоит проблема выбора, она может также оказаться очень важной и для других, особенно если в доста-

точной мере осознать ответственность, вытекающую из этого выбора.

ФАНАТИЗМ И ОТЧУЖДЕННОСТЬ

Порой сложные теоретические построения служат обоснованием примитивного фанатизма, который делает мир весьма пожароопасным¹². Скоропалительные культурные обобщения способны подменить собой глубокое понимание культуры и стать орудием мелких притеснений, социальной дискриминации и даже политической тирании. Незамысловатые сентенции, обладающие огромной силой при формировании образа мышления, обильно представлены в народных поверьях и неформальном общении. Эти предрассудки, еще не исследованные всерьез и составляющие предмет шуток и анекдотов на этнические темы, могут выплывать на поверхность в форме фундаментальных разрушительных теорий. Случайное совпадение между культурным суеверием и явлением социальной жизни (неважно, случайное или нет) ведет к рождению теории, которая живет даже после того, как эта случайная взаимосвязь исчезает.

Например, анекдоты про ирландцев (такие, как: «Сколько ирландцев нужно для того, чтобы заменить перегоревшую лампочку?») были достаточно распространены в Англии на протяжении долгого времени. Они появились в то время, когда отлично подходили к кризисному состоянию ирландской экономики, находившейся в состоянии длительной депрессии. Но, когда начался вызывающий удивление своими темпами экономический рост, культурные стереотипы и их мнимая социально-экономическая обусловленность не были отброшены. Теории живут своей жизнью, часто не считаясь с реальным миром.

Взаимосвязь между культурным фанатизмом и политической тиранией может оказаться очень тесной. Асимметрия власти, выражающаяся в отношениях между правителем и подданными, в сочетании с культурными предрассудками способна обернуться тяжелейшими ошибками социального управления, что было продемонстрировано в 40-х гг. XIX в. во время ужасающего голода в Ирландии. Как замечает Лебоу, в Англии бытовало широ-

Теории культурного детерминизма очень часто оказываются на шаг позади реальной жизни

Основополагающей ценностью должен быть такой процесс принятия решений, определяющих общественную жизнь, в котором люди имеют возможность участвовать

ко распространенное мнение, что нищета в Ирландии вызвана ленью, безразличием и немелостью ее жителей, поэтому «предназначение Британии» заключалось не в том, чтобы «облегчить бедственное положение Ирландии, а в том, чтобы привести ее народ к цивилизации и руководить им, пока ирландцы не станут ощущать себя и действовать как человеческие существа»¹³. Сходное использование культурных предрассудков в политических целях можно обнаружить в истории взаимоотношений европейских империй с их колониями в Азии и Африке. Знаменитое замечание Уинстона Черчилля про то, что голод в Бенгалии в 1943 г. был вызван тем, что местное население «размножается как кролики», относится к общей традиции возлагать вину на жертвы колониального правления. Это оказало сильное воздействие на попытки облегчить последствия страшного голода. Культурное осуждение жертв может использоваться правителями для оправдания весьма неэффективных, равно как и чудовищных тираний.

КУЛЬТУРНЫЙ ДЕТЕРМИНИЗМ

Хотя тесный союз культурных предрассудков и политической асимметрии может быть смертельно опасным, крайняя осторожность при формулировании выводов по вопросам культуры имеет еще большую важность¹⁴. Непродуманные предположения в области культуры могут оказать воздействие даже на то, как эксперты представляют себе экономическое развитие. Теории часто основываются на недостаточных данных. Полуправда или четверть правды легко вводят в заблуждение, иногда даже легче, чем откровенная фальсификация, которую к тому же легче обнаружить.

Приведу пример аргументации из напумевшей книги под редакцией Лоуренса Харрисона и Сэмюэля Хантингтона *«Вопросы культуры»*. Во вступительном эссе «Культура имеет значение» Хантингтон пишет:

«В начале 1990-х гг. я случайно наткнулся на данные об экономическом развитии Ганы и Южной Кореи в начале 1960-х гг. Меня просто поразило то, как похожи были их экономики в тот период...

Тридцать лет спустя Южная Корея превратилась в промышленного гиганта, занимающего 14 место в мире по объему экономики, одного из ведущих экспортеров автомобилей, электронного оборудования и другой сложной техники, страну многонациональных корпораций, сравнявшуюся по уровню дохода на душу населения с Грецией. Больше того, эта страна встала на путь укрепления демократических институтов. Ничего подобного не произошло в Гане, чей доход на душу населения составляет $1/15$ показателя Южной Кореи. Как можно объяснить эту необыкновенную разницу в развитии? Несомненно, свою роль здесь сыграли многие факторы, но мне кажется, что в основном дело объясняется культурными различиями. В Южной Корее высоко ценятся бережливость, инвестиции, трудолюбие, образование, организованность и дисциплина. У жителей Ганы другие ценности. Короче, культура имеет значение»¹⁵.

Наверное, это привлекательное сравнение представляет собой определенный интерес (возможно, в нем содержится четверть правды, вырванной из контекста), и обнаруженный контраст просто напрашивается на более тщательное исследование. И оказывается, что причинные связи, положенные в его основу, глубоко обманчивы. В 1960-х гг., когда Гана и Корея показали Хантингтону столь похожими во всем, кроме культуры, между ними существовало много существенных различий, лежащих вне сферы культуры. Классовая структура в двух странах была совершенно различной, причем в Корее деловые круги играли гораздо более существенную роль. Также очень различались и проводимые политические линии. Правительство Кореи страстно желало сыграть роль движущей силы в инициировании такого экономического развития, основывающегося на развитии бизнеса, чего не было в Гане. Усилению различий способствовали тесные, по крайней мере на первых этапах послевоенного развития Кореи, взаимоотношения между экономикой Кореи, с одной стороны, и экономикой Японии и США, с другой. И, может быть, наиболее существенный штрих: к началу 1960-х гг. Корея существенно превосходила Гану по числу грамотных людей и охвату населения системой школьного образования. Из-

менения, происшедшие в Корее, во многом происходили благодаря решительной государственной политике, проводившейся после Второй мировой войны, а не являлись просто отражением многовековой корейской культуры.

Естественно, что и раньше делались попытки использовать культурный детерминизм для объяснения экономического развития. Сто лет назад, в 1903 году Макс Вебер выдвинул основополагающий тезис о решающей роли протестантской этики (в частности, кальвинизма) в успешном развитии капиталистической промышленной экономики. Проведенный Вебером анализ роли культуры в становлении капитализма распространился на тот мир, который он мог наблюдать в конце XIX века. Его анализ представляет особый интерес для современного мира, особенно в свете недавних успехов рыночной экономики в непротестантских обществах.

Из этих теорий можно многое почерпнуть, и обнаруженные ими эмпирические связи могут быть полезными для проникновения в суть проблемы. В то же время, поразительно, как часто различные варианты толкования культурных проблем, основанные на наблюдениях прошлого, подрываются последующим опытом. Фактически получается так, что теории культурного детерминизма очень часто оказываются на шаг позади реальной жизни.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, АСИММЕТРИЯ И ДЕМОКРАТИЯ

Можно много говорить о выборе самобытности, в частности, о проблемах равенства и распределения справедливости, с которыми обязательно сталкиваешься в процессе исследования влияния культурной включенности и культурного многообразия на процесс самоидентификации индивида. Но прежде чем приступить к этому, было бы полезно рассмотреть два специфических — реальных или мнимых — феномена современного мира, которые оказали существенное влияние на недавние дискуссии о культурной самобытности. Их тему, за неимением лучшего термина, можно определить как «будущее культурного многообразия в глобализованном мире». Они связаны с влиянием глобализации и сопровождающей

ее асимметрией власти, а также с тезисом о существовании устойчивой тенденции к столкновению цивилизаций, в результате которых мир может превратиться в место, где процветают насилие и разруха.

АСИММЕТРИЯ ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Многие люди испытывают беспокойство, размышляя о гарантиях культурной свободы перед лицом мощного влияния западной культуры, особенно культура потребления, в сегодняшнем глобализованном мире. Часто выдвигается вполне убедительный аргумент о том, что в современном мире свобода выбора образа жизни на самом деле не означает реальной возможности свободного выбора. Также сомнительно, могут ли представители менее влиятельных цивилизаций противостоять западному влиянию. Эта обеспокоенность, безусловно, заслуживает внимания, особенно в свете очевидной незащищенности местных культурных традиций в мире, который находится под таким оглушающим воздействием западных влияний.

Здесь интерес представляют, по крайней мере, два вопроса. Во-первых, существуют ли власть и сила рыночной культуры, представляющей неотъемлемую часть и форму той модели, которую все больше и больше принимает процесс экономической глобализации. Те, кому ценности и преимущества рыночно ориентированной культуры представляются вульгарными и обедненными (даже на Западе многие придерживаются такой точки зрения), склонны считать, что экономическая глобализация сама по себе совершенно нежелательна. При этом они зачастую рассматривают глобализацию на базе свободного рынка как неудержимый процесс, учитывая проникающую силу и мощь рыночной экономики, а также тот огромный объем ресурсов, которые она способна задействовать для переделки мира.

Вторая проблема касается асимметрии власти между Западом и другими странами, а также вероятности того, что она может перейти в разрушение местных культурных традиций (поэзии, драматургии, музыки, танцевального искусства, кулинарных обычаев и др.). Обоснованно аргументируется, что подобные потери

Настойчиво повторяемое утверждение о том, что толерантность представляет собой характерную и почти исключительную черту западной цивилизации, в высшей степени трудно обосновать, особенно если обратиться к истории

Предпосылкой построения гуманного и справедливого общества является признание важности человеческих свобод вообще и культурной свободы в частности

обедняют «незападные» общества. Принимая во внимание постоянную культурную «бомбардировку» со стороны западной метрополии (от предприятий быстрого питания до оглушительной музыки), возникают обоснованные опасения, что местные традиции будут подавлены этим «огнем».

Подобная опасность, несомненно, существует, и от нее довольно трудно спастись. Не стоит обманываться тем, что решение проблемы будто бы состоит в прекращении глобализации торговли и обмена, — ведь международная торговля способна приносить такие экономические преимущества, которыми очень дорожат многие страны. К тому же в современном взаимосвязанном мире практически невозможно противостоять силе экономического обмена и разделения труда.

Тем не менее, вполне достижимой формой решения проблемы асимметрии может стать укрепление и стимулирование конструктивных возможностей, свойственных местным культурным традициям, в целях их защиты и противостояния силам культурного нашествия извне. Если импортная продукция доминирует на волнах радиоэфира, в телепрограммах и т. п., то политика противодействия, несомненно, должна использовать такие возможности, которые могут помочь местной культуре в презентации ее достижений как внутри страны, так и за ее пределами. Связанные с этим затраты отнюдь не столь велики, как это кажется, потому что в современном мире средства коммуникации становятся все более дешевыми. Это могло бы стать позитивным ответом, в отличие от часто возникающего соблазна вообще запретить иностранное влияние законодательными решениями или декретом исполнительной власти.

Реальная поддержка местной культуры не только способствовала бы ее укреплению, но и помогла бы обеспечить более справедливые условия конкуренции. С точки зрения свободы выбор такого пути заслуживает существенно большего одобрения, чем превращение местных культурных традиций в господствующие путем запрета конкуренции. Важно, чтобы вместе с «водой» несправедливой конкуренции не был выплеснут «ребенок» культурной свободы.

Решающее значение, однако, принадлежит демократии. основополагающей ценностью должен быть такой процесс принятия решений, определяющих общественную жизнь, в котором люди имеют возможность участвовать, и который опирается на открытое обсуждение, предусматривающее возможности выражения мнений для меньшинств. Вопрос об обеспечении политической включенности (т. е. создании условий, при которых люди пользовались бы свободой участия в политическом процессе, а их мнения не игнорировались бы авторитарными властителями) имеет особое значение для обеспечения культурной свободы (в форме свободы выбора образа жизни). Нельзя стремиться к демократии и одновременно отвергать определенный образ жизни (практику) на основании традиционалистских соображений, из-за их «чужеродности» (независимо от того, что выбирают сознательным и информированным образом сами люди). Ценность демократии заключается в недопущении ограничения свободы выбора путем издания политическими властями соответствующих декретов (или распоряжений влиятельных религиозных кругов, или заявлений «главных хранителей национальных традиций»), независимо от того, считают ли эти власти (или религиозные круги, или «хранители традиций») новое общественное пристрастие приличествующим, или нет. Это — лишь одна из множества областей, где культурная свобода может эффективно дополнять свободу политическую¹⁶.

ЦИВИЛИЗАЦИИ И ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

Если страх перед глобализацией представляет собой общий повод для беспокойства, который ощущают многие люди, занимающиеся проблемами культурной свободы, то страх перед «столкновением цивилизаций» (по выражению Сэмюэля Хантингтона), является еще одной темой, которой уделяется существенное внимание в последние годы. Эта тема является многоплановой, но суть ее заключается в опасении, что в последние годы плюралистическая и толерантная западная цивилизация находится под постоянной угрозой со стороны менее терпимых и более авторитарных культур.

В самом деле, если предположить, что представители «незападных» цивилизаций постоянно искушаются авторитарными властителями (и, возможно, даже испытывают соблазн насилия), то нетрудно разделить опасения о том, что культурное многообразие может быть причиной серьезных осложнений в мире. Однако в чем же заключается существо культурологического анализа, положенного в основу этих опасений? И насколько можно верить трактовке истории, положенной в основу этого культурного анализа? И в том, и в другом случае имеются основания для сомнений. Категории, используемые для анализа проблем цивилизации, не всегда очерчены ясно, а тенденциозная подборка исторических фактов, которой сопровождается тезис о столкновении цивилизаций, чрезмерно усиливает существующие контрасты, не обращая внимания на гетерогенность, существующую внутри каждой культуры, а также игнорируя историческую взаимосвязь различных культур.

Настойчиво повторяемое утверждение о том, что толерантность представляет собой характерную и почти что исключительную черту западной цивилизации, в высшей степени трудно обосновать, особенно если обратиться к истории. Разумеется, невозможно спорить с тем, что толерантность и свобода являются одними из наиболее важных завоеваний современной Европы (несмотря на некоторые исключения, такие как жесточайшее империалистическое правление на протяжении двух столетий и злодеяния нацистов шесть десятилетий тому назад). На самом деле, недавняя история Европы и западного мира, особенно эпоха европейского Просвещения, могла бы очень многому научить мировое сообщество. Однако проведение такой разделительной линии через всю историю будет в высшей степени произвольным. Мировая история не предлагает ничего, что могло бы служить водоразделом между долгой историей западной толерантности и столь же древним деспотизмом «незападных» народов.

Политическая свобода и толерантность в их современной форме не представляют собой исконной исторической особенности какого-либо государства или цивилизации. Платон и Блаженный Августин были не менее авторитар-

ны в своем мышлении, чем Конфуций или Каутилья. Естественно, среди классических европейских мыслителей были рьяные поборники толерантности, но и в других культурах было много подобных личностей. Например, живший в III в. до н. э. император Ашока, который посвятил свою жизнь защите религиозной и другой толерантности в Индии (он утверждал, что «религиозная вера других людей заслуживает глубочайшего уважения по той или иной причине»), принадлежит к числу древнейших политических поборников толерантности. А когда позднее, в конце XVI в., другой индийский император (Великий Могол) — Акбар — сделал аналогичное заявление о религиозной терпимости (приблизительно следующее: «Никто не должен вмешиваться в дела, связанные с религией, и каждому позволено переходить в то вероисповедание, которое доставляет ему радость»), в Европе всюду свирепствовала инквизиция. Приведем еще один пример: когда в XII в. еврейский философ Маймонид был вынужден эмигрировать из нетолерантной Европы, он нашел прибежище на Арабском Востоке. Ему была предоставлена почетная и влиятельная должность при дворе султана Саладина в Каире. Толерантным хозяином был тот самый Саладин, который жесточайшим образом защищал ислам во время крестовых походов.

Более того, сама идея демократии как представительной общественной дискуссии появилась в различных цивилизациях в разные периоды мировой истории¹⁷. В начале VII в., в 604 г. н. э. японский принц-буддист Сётоку, регент при его матери — императрице Суико, принял довольно либеральную конституцию *кэмпо* (известную как «конституция семнадцати параграфов»). В *кэмпо* утверждалось (в духе Великой хартии вольностей, подписанной шесть столетий спустя в 1215 г.), что: «... решения по важнейшим вопросам не должны приниматься одним человеком. Они должны обсуждаться многими». В отношении терпимости в ней говорилось следующее: «Мы не должны обижаться на то, что у других есть иная точка зрения, отличная от нашей. У каждого человека есть сердце, а у каждого сердца — своя склонность. Их правота для нас — заблуждение, а наша правота — заблуждение для них»¹⁸.

Важно не позволить запутать себя, принимая неизученный традиционализм за проявление культурной свободы

В других странах мира, как на Западе, так и за его пределами, также можно найти примеры поощрения публичных прений, в которых выражались различные, а порой и противоречащие друг другу точки зрения. Эти примеры остаются актуальными и сегодня, когда обсуждается возможность осуществления толерантной демократии. После того, как в 1947 г. Индия обрела независимость, комиссия под руководством Б.Р.Амбедкара, составлявшая проект конституции, учитывала, помимо двухвекового опыта становления западных демократий, собственно индийские древние традиции (в том числе относящиеся к политической толерантности и демократии на местах).

Аналогичным образом Нельсон Мандела описывает в своей автобиографии *«Долгий путь к свободе»* то, какое воздействие оказал на него, маленького мальчика, демократический характер собраний, проходивших в доме регента в Мгекезвени:

«Каждый, кто хотел, мог высказаться. Это была демократия в чистом виде. Может быть, среди выступавших и была какая-то иерархия, но каждого внимательно выслушивали, руководителя и подчиненного, воина и медработника, владельца магазина и фермера, землевладельца и разнорабочего... В основу самоуправления было положено то, что все люди были свободны в выражении собственного мнения и равноценны как граждане»¹⁹.

Недавние жесткие политические решения, отражающие страх перед столкновением цивилизаций, отличаются редкостной исторической слепотой. Используемые классификации зачастую основаны на грубом и неприкрытом историческом невежестве. Разнообразие традиций, существующих в отдельной цивилизации, легко игнорируется, а тысячелетние достижения науки, техники, математики и литературы замалчиваются в угоду местнической точке зрения на уникальность западной цивилизации.

В утверждении о том, что различие цивилизаций представляет собой единственно важную характеристику, на фоне которой все прочие способы идентификации людей теряют смысл, заложена фундаментальная методо-

логическая проблема. Другие разграничения (например, между богатыми и бедными, представителями разных классов и профессий, приверженцами различных политических убеждений, представителями определенных национальностей и территорий, языковыми группами и др.) сводятся на нет этим якобы самым совершенным способом определения различий между людьми. Мало того, что те, кто провоцирует глобальные противостояния или локальные конфликты, пытаются навязать людям чувство самобытности, якобы изначально объединяющей их и отделяющей от остального мира, вербуя их в качестве рядовых солдат политического насилия. При этом они еще и черпают скрытую поддержку из теорий, разделяющих всех людей мира по единственному признаку.

Как поразительно это пренебрежение ролью выбора и осмысленности в принятии индивидом решения о присоединении к той или иной группе или о форме его самоидентификации! Принимая единственный и якобы преобладающий способ различения людей, концепция различия цивилизаций способствует разжиганию мирового конфликта. Отказ от признания выбора там, где он на самом деле существует — это не просто непонимание сути окружающего мира. Это — этический проступок и преступная халатность по отношению к своей политической ответственности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предпосылкой построения гуманного и справедливого общества является признание важности человеческих свобод вообще и культурной свободы в частности. Для этого необходимо обеспечивать и последовательно расширять возможности для людей самостоятельно определять свой образ жизни и рассматривать его альтернативные варианты. Значительную роль в процессе такого выбора могли бы сыграть соображения культурного характера.

Придание культурной свободе особого значения не равносильно борьбе за культурное многообразие. Понятно, что признание многообразия культурных проявлений может оказаться чрезвычайно важным, так как от него

АВТОРСКАЯ ВСТАВКА

В правах человека воплощены основные ценности человеческих цивилизаций

Люди не похожи друг на друга, как и их культуры. Люди живут по-разному, и цивилизации отличаются друг от друга.

Люди говорят на различных языках.

Люди рождаются с разным цветом кожи, и множество традиций окрашивает их жизненный путь в различные цвета и оттенки.

Люди одеваются по-разному и по-разному приспособляются к окружающей среде.

Люди проявляют себя по-разному. Эти разные стили находят отражение в музыке, литературе и искусстве.

Но, несмотря на эти различия, у всех людей есть нечто общее: все они — человеческие существа, ни больше ни меньше.

Поэтому, невзирая на любые различия, все культуры включают ряд общих принципов:

– ни одна культура не допускает эксплуатацию людей;

– ни одна религия не позволяет убить невинного;

– ни одна цивилизация не приемлет насилия или террора;

– пытка несовместима с человеческой совестью;

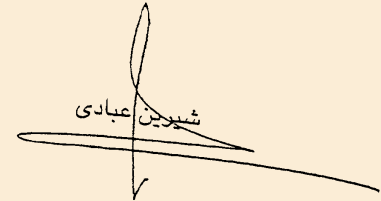
– жестокость и зверство противны любой традиции.

Короче говоря, в этих общих принципах, разделяемых всеми цивилизациями, отражены наши основные права человека. Все и повсюду оберегают и лелеют эти права.

Таким образом, культура никогда не должна использоваться как предлог для попрания прав человека, потому что в этих правах воплотились основные ценности человеческих цивилизаций.

Всеобщая декларация прав человека универсальна, она применима как на Востоке, так и на Западе. Она совместима с любым вероисповеданием и любой религией. Отсутствие уважения к правам человека умаляет нашу принадлежность к роду человеческому.

Давайте же не будем разрушать эту фундаментальную истину. В противном случае слабым будет некуда обратиться.

Ширин Эбади

Лауреат Нобелевской премии мира 2003 г.

зависит реализация культурной свободы. Однако оно не тождественно защите культурного многообразия как такового. Многое зависит от того, как реализуется культурное многообразие и в какой степени участвующие в этом процессе люди имеют возможность реализовать свою собственную свободу. Было бы серьезной ошибкой рассматривать значение культурного многообразия вне связи с тем, как оно осуществляется. Действительно, нельзя давать оценку многообразию культур, особенно в рамках концепции человеческого развития, без учета связанных с ним процессов и роли, которую играют человеческие свободы в принятии решений.

Анализ, проведенный в этой главе, подводит к некоторым очевидным выводам, которые будут рассмотрены в последующих главах. Во-первых, расширение культурного многообразия может стать следствием реализации всех аспектов культурной свободы (в том числе этническими, сексуальными или социальными меньшинствами). В связи с этим появляется весомый повод поощрять культурное многообразие и сделать все возможное для его сохранения. С этой точки зрения ценность многообразия вытекает из ценности культурной свободы, которая полностью соответствует значимости человеческих свобод вообще.

Во-вторых, благодаря культурному многообразию общества все его члены, независимо от их происхождения, получают возможность пользоваться широчайшим спектром культурного выбора. Это тоже в конечном итоге связано с культурной свободой, но в данном случае — скорее косвенно, нежели как прямое следствие реализации культурной свободы. Культурное многообразие и здесь заслуживает одобрения: ведь благодаря ему расширяется культурный спектр социальной жизни и расширяются возможности выбора. Все это вместе взятое представляет собой составную часть защиты культурного многообразия с позиций свободы.

В-третьих, бывают случаи, когда осуществление культурной свободы может привести к сокращению, а не к расширению культурного многообразия. Это происходит тогда, когда люди приспособляются к образу жизни других людей и сознательно делают свой выбор в этом направлении (не сталкиваясь при этом с исключенностью по образу жизни). В таком случае было бы грубейшей ошибкой выступать против культурной свободы на основании того, что она ведет к уменьшению культурного многообразия, так как здесь свобода сама по себе, в отличие от многообразия, обладает неотъемлемой внутренней ценностью.

С этим вопросом тесно связана проблема поощрения культурного консерватизма, который часто поддерживается на том основании, что отстаивание чьей-либо «собственной» культуры является проявлением свободы. Однако допущение того, что принудительное сохранение культуры предков может в какой-либо форме представлять собой реализацию свободы, ведет к концептуальной путанице. Этот вопрос также связан с ролью выбора в процессе определения индивидом его самобытности. Поскольку каждый индивид одновременно принадлежит к различным группам, имеет множество вариантов самоидентификации и вынужден разрешать проблемы с различными и часто конфликтующими приоритетами определения собственной самобытности, уклониться от выбора он не может (даже если выбор осуществляется неявно или неосознанно). Это не отрицает того факта, что довольно часто принадлежность человека к той или иной группе определяется в результате «открытия себя» (что само по себе важно), но не устраняет необходимости выбора как такового.

Отрицание выбора там, где он существует, представляет собой не только фактическую ошибку, но может привести к тяжелым нравственным последствиям в мире, где в основе конфликтов — и бесчеловечных зверств — часто лежат проблемы самоидентификации. Способность общества обеспечить включенность в его жизнь всех своих членов будет в большей степени зависеть от прояснения роли выбора в процессе самоидентификации и необходимости «все взвесить, прежде чем определить свою самобытность». На самом деле, осознание ответственности выбора может существенно повысить уверенность в том, что важным нравственным вопросам, относящимся к социальному бытию индивида, уделяется достаточное внимание.

Важность свободы тесно связана с необходимостью обеспечения справедливости в стремлении к ней. Это предполагает уважение свободы других людей: если добиваться свободы, то это должна быть свобода для всего, что непосредственно связано с понятием справедливости. В связи с тем, что проблема справедливости относится к широкому кругу вопросов, ее следует постоянно иметь в виду. Между сво-

бодой и справедливостью нет никакого изначального противоречия, несмотря на то, что временами оно предполагается. Фактически справедливость можно рассматривать как справедливое расширение свобод для всех людей (в отличие от проблемы распределения доходов или даже еще более узкого вопроса об их «перераспределении» согласно определенным критериям). Такой подход делает возможным последовательное применение обоих основополагающих концепций свободы и справедливости при оценке требования обеспечения социальной включенности и сравнительных преимуществ культурного многообразия.

В качестве примера вкратце коснемся одной сложной — или кажущейся сложной — проблемы. Ставится вопрос, не лишенный принципиальности: «вреден ли мультикультурализм для женщин?»²⁰ Этот вопрос связан с хорошо изученным феноменом, заключающимся в том, что в традиционном обществе, в котором доминируют мужчины, многие обычаи противостоят интересам женщин и ограничивают их возможности. Призывы к их сохранению со ссылкой на необходимость обеспечения культурного многообразия не служат интересам женщин. Крайними формами конфликтов такого рода могут быть некоторые традиционные практики (например, нанесение телесных увечий), санкционированные нормами некоторых доминирующих культур, несмотря на то, что они могут быть особенно губительными для способности женщин управлять своей жизнью и реализовывать собственную свободу.

При изучении этого вопроса особенно важно рассматривать культурную свободу в широкой перспективе. Защищая сложившиеся обычаи, иногда указывают на то, что обычно сами женщины без возражений принимают такие культурные нормы. Но в мире и без того много зла, которое процветает в случаях, когда жертву делают соучастником беззакония посредством лишения возможности выбора и ограничения доступа к информации о том, как обстоит дело в других сообществах. Здесь очень важно не позволить запутать себя, принимая неизученный традиционализм за проявление культурной свободы. Следует задать вопрос: имеет ли подчиненная часть общест-

ва — в данном случае речь идет о женщинах, на жизнь которых крайне отрицательно влияют эти обычаи, — возможность рассматривать другие альтернативы и беспрепятственно узнавать, как живут люди в других странах. При ответе на этот вопрос основными критериями должны служить соображения осмысленности и свободы.

Могут выдвигаться — и выдвигаются — другие мнимо обоснованные аргументы в защиту консервативного традиционализма. Можно ли отстаивать следование традиционализму с позиций необходимости сохранения мультикультурализма? Стоит ли выступать в его защиту ради культурного многообразия? Ответить на второй вопрос проще. Культурное многообразие, как уже говорилось ранее, не обладает ценностью само по себе, по крайней мере, в рамках концепции человеческого развития, которая ставит во главу угла человеческие свободы и их справедливое расширение. Ценность культурного многообразия основана на его реальной взаимосвязи с культурной свободой. Ссылка на сравнительную важность культурного многообразия для защиты обычаев, которые препятствуют женщинам в реализации их основного права на свободный выбор, была бы очевидно неверным шагом, так как подобными мерами свобода женщин будет попирается, а не поощряться. Аналогичным образом, не будет обеспечена справедливость — в смысле справедливого обеспечения свободы для всех.

Однако если расширение культурного многообразия или усиление мультикультурализма будет рассматриваться как нечто, обладающее самостоятельной ценностью, то вне зависимости от того, какое влияние они окажут на жизнь людей, это приведет к таким ограничениям, о которых много говорилось в публикациях, посвященных проблемам человеческого развития. Даже экономическое богатство, нечто несомненно значимое, не может рассматриваться в качестве самостоятельной ценности и долж-

но цениться постольку, поскольку соответствует тому, чем люди хотят обладать. В рамках концепции человеческого развития мультикультурализм должен оцениваться с учетом того, чем он реально содействует улучшению жизни людей и расширению их свобод.

В самом деле, там, где расширение мультикультурализма является самоцелью, легко можно ожидать, что свободы отдельных членов сообщества (в данном случае — женщин) будут серьезно попирается. Это в корне противоречит важности человеческой свободы, которая распространяется как на женщин, так и на мужчин, как на подчиненных членов традиционного общества, так и на его руководителей и громогласных идеологов. Приоритет обеспечения справедливости ставит непреодолимые препятствия перед развитием мультикультурализма как самоцели.

Как видно из этой главы, ограничение выбора жизненных возможностей человека может быть вызвано самыми разными причинами и отражать различные формы дискриминации, включая культурное, а также политическое и социально-экономическое воздействие на человеческую жизнь. В последующих главах будут всесторонне исследованы и рассмотрены различные формы исключенности и их воздействия на ограничение выбора жизненных возможностей человека. Особое внимание уделено особенностям общественных институтов, а также ценностям, оказывающим глубокое воздействие на жизнь людей.

Важная роль отводится анализу реальной ценности мультикультурализма и культурного многообразия. Их ценность, которая, разумеется, может быть очень большой, зависит от того, насколько они связаны с реализацией человеческих свобод, в том числе со справедливым и беспристрастным их распределением. Этот основной принцип занимает центральное место в концепции человеческого развития.

